

САМЫЕ ДОБРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Борис ЛАСКИН

ВОИдя в кабинет Ломакина, Лидия Вячеславовна притворилась с собой дверь и прижалась к ней спиной. Было похоже, что кто-то рвется на прием, а сейчас не время, потому что Аркадий Павлович занят, у него народ. Колунцев из Госстроя. Надо же соображать, что есть часы приема, есть какой-то порядок, наконец, существует очередь.

— Что у вас? — спросил Ломакин.

— Аркадий Павлович, к вам явился какой-то товарищ, я ему объяснила, что вы заняты...

Она выдержала паузу и сурово помотала головой.

— Откуда товарищ? — Ломакин виновато и вроде бы даже беспомощно поглядел на сидящих в кабинете, давая им понять, что он, Ломакин, необходимый людям человек, без которого они никак не могут обойтись.

— Я у него спросила...

Лидия Вячеславовна проигривала единоборство — человек в приемной, как видно, поднажал, и, несмотря на ее сопротивление, дверь отворилась.

В кабинет вошел пожилой мужчина в светлом костюме и в соломенной дырчатой шляпе. Он вошел легко и весело, и лицо его выражало удовольствие по поводу того, что он уже здесь, и он очень рад этому обстоятельству. Он готов немедленно со всеми познакомиться. Вообще-то говоря, ему следовало бы начать с хозяйки, но он, как видно, наметил иной порядок. Пришел обшел сидящих в кабинете людей, несколько удивленных его внезапным появлением, и каждому пожал руку, коротко представляясь:

— Бычков. Бычков.

Наконец очередь дошла и до Ломакина. Тоже изрядно удивленный и не слишком довольный, он протянул руку человеку, назвавшемуся Бычковым, но тот, как ни странно, не подал ему руки, а, заговорщически подмигнув, погрозил ему пальцем.

Ломакин был и смущен, и слегка рассержен. Происходящее в его служебном кабинете смахивало на сцену из комедии.

— Здорово, друг Ломакин! — торжественно произнес Бычков. Он снял шляпу, с ловкостью жонглера бросил ее, и, описав дугу, шляпа завершила полет на яркое стоячей вешалки. — Наша задача, товарищи, состоит в том, чтобы день и ночь решительно бороться с бюрократизмом!..

Бычков достал сигареты и закурил.

— Чувствую, что помешал, но не мог не зайти...

Ломакин встал и положил ладонь на телефонную трубку. Можно было ожидать, что онсию минуту позвонит вахтеру и попросит принять меры, чтобы ему не мешали работать.

Бычков именно так и расшифровал жест хозяина кабинета — управляющего седьмым строительным трестом товарища Ломакина Аркадия Павловича. Он снисходительно улыбнулся и снова подмигнул, на сей раз уже всем, кто с любопытством глядел на него в надежде догадаться, что же здесь все-таки происходит.

— Ломакин, ты не сердись, но я, понимаешь ли, намертво забыл, как тебя зовут...

— Меня зовут Аркадий Павлович, — сухо ответил Ломакин.

— Значит так, — неожиданно строго начал Бычков, — я потому пришел, что на тебя, Аркадий, поступают жалобы трудящихся. Имеются сигналы, что к тебе невозможно попасть, что ты отовзрвался и вознесся...

— Товарищ Бычков!

Ломакин опять опустил руку на телефонную трубку, но тут же успел подумать, что со стороны это может выглядеть довольно смешно. Похоже, что он испугался этого странного посетителя и будет искать защиты на стороне.

А Бычков тем временем уже сменил гнев на милость.

— Ты можешь спросить, на каком основании я тебе выговор объявляю. Кто мне дал право делать по твоему адресу критические замечания? Может, думаешь, я — большой начальник?

Он немного помолчал, а Ломакин перехватил любопытный взгляд работника Госстроя Колунцева, обращенный на агрессивного настроенного Бычкова.

— Ах, Ломакин, Ломакин, — Бычков укоризненно покачал головой. — Забыл ты юные годы, а мы с тобой сидели почти что на одной парте, в одном буфете плюшки покупали, в одном школьном огороде редиску пололи...

Вижу, Ломакин, что забыл ты и меня, и школьные годы, и учителей, и девочек, за которыми совместно бегали. Но я на тебя не в обиде. Память — инструмент несовершенный, требует реконструкции. Когда мне про тебя сказали, что ты здорово изменился, я не поверил. Честью клянусь — просто не поверил...

Бычков обращался ко всем по очереди, радуясь, с каким интересом слушают его, не перебивая, что дает ему счастлившую возможность высказаться.

— Вы просите меня охарактеризовать товарища Ломакина, — сказал он, хотя никто его об этом не просил, — могу. Пожалуйста. Мне это негрудно. Товарищ, который занимает этот кабинет, в детстве был, конечно, не такой солидный, но самое главное — он был трудолюбивый — раз, честный — два, исключительно скромный — три.

Ломакин снова оглянулся на присутствующих, как бы желая спросить у них, не пора ли закон-

чить этот вечер воспоминаний, но он не сказал ни слова, неожиданно поймав себя на мысли о том, что очень уж по-доброму рисует его уже забытый им школьный товарищ.

— Вспомни, Ломакин, как ты отличился, когда девушку спас, которая под лед провалилась, помнишь?

— Не помню, — ответил Ломакин и улыбнулся. Он и в самом деле не помнил этого.

— Узнаю Ломакина! — со значением отметил Бычков. — Оп, видите ли, не помнит. А статью в «Пионерской правде» тоже не помнишь про тот случай?

— Я сейчас больше другие газеты читаю, — сказал Ломакин. — Понятно. Если вопросов нет, подведем итог. Жил-был замечательный парнишка...

— А он и сейчас парнишка неплохой, — вмесался Колунцев. — Критика, конечно, движущая сила, это всем ясно, но мне думается, вы к своему школьному приятелю чересчур строги. Если я неправ, пусть меня товарищи поправят.

— Хорошо, — согласился Бычков, — ладно. Вам видней, вы с человеком работаете. А у меня что? У меня одни только добрые воспоминания. А моя критика, она, как бы сказать, профилактика. Чтоб не забывал человек то хорошее, с чем в жизнь вступал. А если я неправ, — он улыбнулся Колунцеву, — пусть меня товарищи поправят. Но я думаю: таких нет...

Все. На этом я заканчиваю свой монолог. — после паузы заключил Бычков. — Ты уж извини, что я нагрянул со своими мемуарами. Очень, понимаешь ли, потянуло заглянуть в прошлое. А теперь будь здоров. Желаю успеха в труде и счастья в личной жизни.

Он долго тряс руку Ломакину, затем простился с остальными.

Он взял с вешалки шляпу, надел ее чуть набочок, как на фронте носил пилотку, и направился к дверям. На пороге он обернулся:

— Если будешь проездом в родных местах, в Дятлове, обязательно зайди в школу. Она как стояла, так и стоит.

— Зайду в школу, — кивнул Ломакин. — Всего доброго.

Когда за Бычковым закрылась дверь, Ломакин, помедлив, нажал кнопку звонка. Вошла секретарша.

— Лидия Вячеславовна, там ко мне есть кто-нибудь? Попросите немножко подождать. Я скоро освобожусь.

Ломакин полистал на столе бумаги, с необъяснимой грустью думая о том, что родился он в городе на Днестре, а в Дятлове не только не учился, но и не был никогда в жизни. И девушку он не спасал, и в «Пионерской правде» о нем не писали...